

АНДРЕЙ ТЕСЛЯ*

СЛАВЯНОФИЛЫ И «ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС» В 1840 – 1-Й ПОЛ. 1860-Х ГОДОВ**

Получено: 31.07.2021. Рецензировано: 10.08.2021. Принято: 13.08.2021.

Аннотация: Как для славянофильского круга, так и в целом для всего многообразия русских национализмов XIX века «польский вопрос» имеет огромное значение в теоретическом плане, поскольку русские национализмы в той или иной степени формируются как конкурирующие с польским национальным движением и вынуждены каким-либо образом осуществлять демаркацию «воображаемого русского» от «польского». Одновременно «польский вопрос» оказывается и вопросом политического устройства внутри- и внешнеполитического плана: о возможном/желательном имперском дизайне и о внешнеполитическом курсе. Он оказывается тесно переплетен и со «славянским вопросом», что не является непрменной чертой любого русского национализма, но непосредственно связано со славянофильством, особенно со второй половины 1850-х годов, когда вопросы «славянской общности» и взаимодействия со славянскими народами, отношения к другим славянским национальным движениям выходят на передний план. В статье кратко показывается, что, несмотря на возможность теоретически предположить неизменно большое значение «польского вопроса» для славянофилов, на практике он занимает отнюдь не неизменное место. Оказываясь в фокусе внимания в 1860-е годы — в первую очередь по причине подъема польского национального движения, затем Январского восстания 1863 г. и последующих правительственных мер в отношении как Царства Польского, так и Западных губерний (Северо-Западных и Юго-Западных), — он не только становится предметом публичной полемики, но и побуждает, а отчасти и вынуждает участников славянофильского круга формулировать свои позиции по принципиальным вопросам доктрины. Тем самым «польский вопрос» вызывает размежевания уже внутри самого славянофильского круга, а вместе с тем определяет публицистическое ядро славянофильства, то есть то, как оно будет представлено и, соответственно, воспринято публикой во 2-й половине 1860-х – 1880-е годы.

Ключевые слова: А. И. Герцен, Западные губернии, И. С. Аксаков, М. Н. Катков, национализм, славянофильство, Царство Польское, эпоха «великих реформ».

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-3-191-216.

*Тесля Андрей Александрович, к. филос. н., старший научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета; старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград), mestr81@gmail.com, ORCID: 0000-0003-2437-5002.

** © Тесля, А. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: исследование выполнено в рамках гранта № 19-18-00073 «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.» Российского научного фонда.

ВВЕДЕНИЕ: «ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС»
В ИСТОРИИ СЛАВЯНОФИЛЬСКОЙ МЫСЛИ

Место «польского вопроса» в истории славянофильской мысли довольно своеобразно и сперва может быть очерчено рядом хронологических меток:

- ◇ во-первых, на протяжении всего периода, традиционного обозначаемого как время существования «классического славянофильства» (конец 1830-х – 1850-е гг.), «польский вопрос»¹ для славянофилов находится на периферии внимания. Так, за это время в кругу славянофилов не создается практически ни одного текста, где польские сюжеты были бы в центре внимания — там же, где польские темы / сюжеты присутствуют, они трактуются достаточно расхожим образом, в этих нечастых обращениях сложно найти какое-то специфически-славянофильское содержание²;
- ◇ во-вторых, напротив, в ситуации 1-й пол. 1860-х гг. польский вопрос оказывается не только одним из центральных, но и тем, по отношению к которому участники славянофильского движения проявили максимальную личную вовлеченность: в частности, стали ключевыми фигурами в администрации Царства Польского в период подготовки и осуществления серии кардинальных реформ 1864 г., определивших линии развития Привислянского края на ближайшую половину столетия;
- ◇ в-третьих, в 1870-е и далее польские сюжеты вновь оказываются сильно в стороне от основных линий интереса славянофилов, не исчезая вовсе, но привнося мало нового, в основном сводясь к повторению с поправкой на ситуацию уже сложившейся позиции.

Может показаться, что речь идет сугубо об обусловленности внешними обстоятельствами и сводимости к ним: до тех пор, пока польский вопрос находится в центре общественного внимания, им заинтересованы и славянофилы, а в дальнейшем, поскольку наиболее насущные

¹Как в широком, так и в узком смысле: под первым понимается весь комплекс сюжетов, связанных с территориями бывшей Речи Посполитой, а под вторым — прежде всего вопрос политического положения Царства Польского.

²Примечательно, что в поэтическом творчестве А. С. Хомякова основной массив текстов, так или иначе связанных с Польшей, относится к его до-славянофильскому периоду и является отзвуками прежде всего польского восстания 1830–1831 гг. и уже в это время стереотипизированной трактовки польских персонажей. См., напр., трагедию «Дмитрий Самозванец», акт 1, явление 3 (Хомяков, 1969: 293–299).

проблемы так или иначе решаются, проблема польского восстания оказывается снята с повестки³ прежде всего в результате крестьянской реформы 19 февраля 1864 г.⁴

И тем не менее польский вопрос оказывается одним из ключевых эпизодов/аспектов в истории славянофильства, поскольку в нем сводятся все основные линии славянофильской доктрины, начиная с проблемы взаимодействия, сотрудничества с государственной властью, вплоть до вопросов христианской проповеди, а целый ряд вопросов, напр., еврейский (см.: Klier, 1995; Тесля, 2021b), впервые ставится именно в польском контексте, осознается в качестве проблем.

Это объясняется прежде всего тем обстоятельством, что речь идет о столкновении антагонистических национальных проектов: русского славянофильского и основных актуальных в 1860-х гг. вариантов польских национальных проектов, в той или иной степени предполагавших включение в состав национального тела / тела нации групп, которые рассматривались с точки зрения славянофилов как неотъемлемая часть воображаемого целого русской нации⁵. Тем самым здесь не только отчетливо формулировались ключевые элементы славянофильского национального проекта, но одновременно и прояснялись и переводились в практическую плоскость (что во многом противоречило первому).

³Отметим попутно, что деактуализации польского вопроса способствует и изменение внешнеполитической ситуации: на протяжении 1830–1860-х гг. польское движение находило на континенте достаточно устойчивую поддержку со стороны Франции (как правительства, так и общественного мнения). После поражения Франции в войне 1870 г. она не только утрачивает значительную долю влияния на общеевропейские дела, но и оказывается заинтересована в союзе с Российской империей. Обозначая перемену курса и ища возможностей для получения русской внешнеполитической поддержки, Тьер уже в 1871 г. в письме к новоназначенному послу в Петербурге генералу Лефлю утверждает: «Польский вопрос это и есть верный ключ, чтобы открыть эту дверь [т. е. Россию — А. Т.]» (Манфред, 1975: 31). Тем самым польское движение лишается сколько-нибудь серьезной международной поддержки, поскольку Франция теперь старается снять этот вопрос, а Германия и Австро-Венгрия, как обладатели существенных польских владений, стратегически не заинтересованы в подъеме польского национализма.

⁴По пересмотру положений реформы 1861 г. в Западных и Юго-Западных губерниях см.: Зайончковский, 1958.

⁵Обратим внимание, что речь идет именно об антагонистических проектах: и разные направления польского национального движения 1860-х гг., и те же славянофилы занимали гораздо более гибкие и сложные позиции по отношению к другим национальным движениям: к проектам украинских или, напр., литовских националистически настроенных или потенциально националистических интеллектуалов (см., в частности: Долбилов, 2010; Миллер, 2013).

В данном очерке мы, разумеется, никоим образом не претендуем на полноту изложения взглядов (не говоря уже о практической деятельности) участников славянофильского круга по польскому вопросу и связанным с ним темах. Это по определению невозможно уже хотя бы потому, что круг рассматриваемых авторов должен был бы включать практически всех представителей славянофильского направления и им сочувствующих: так, только на страницах издаваемой И. С. Аксаковым в 1861–1865 гг. газеты «День» по польскому вопросу высказались, помимо издателя-редактора, П. А. Бессонов, А. Ф. Гильфердинг, В. А. Елагин, А. И. Кошелев, М. О. Коялович, В. И. Ламанский, Ю. Ф. Самарин и др. (см. роспись: «День» И. С. Аксакова, 2017). Из одного этого понятно, что такого рода обзор может стать предметом исключительно отдельной монографии, даже если ограничиваться периодом в несколько лет, правда, в плане польского вопроса наиболее насыщенных как событийно, так и интеллектуально. Тем в большей мере это справедливо, если говорить о польском вопросе в пространстве славянофильской мысли в целом. Наша задача намного скромнее: наметить основные концептуальные положения понимания польского вопроса славянофилами в 1840-х – первой половине 1860-х гг.

«ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС» И «КЛАССИЧЕСКОЕ СЛАВЯНОФИЛЬСТВО»:
1840–1850-Е ГОДЫ

Как уже сказано выше, «классическое славянофильство» 1840–50-х годов, представленное прежде всего именами А. С. Хомякова, братьев И. В. и П. В. Киреевских, К. С. Аксакова, достаточно кратко и преимущественно эпизодически обращается к сюжетам, связанным с польским вопросом. Одно из наиболее развернутых высказываний принадлежит И. В. Киреевскому и оно находится в известном «Обзрении современного состояния словесности» (помещенном в первых номерах «Москвитянина» за 1845 г. в период кратковременного редакторства автора «Обозрения...»), в котором ход польского образования противопоставляется общеевропейскому, трактуемому как процесс образования национальных сообществ (Киреевский, 2018: 29–30):

Одно государство между всех западных соседей наших представляет пример противного развития. В Польше действием католицизма высшие сословия весьма рано отделились от остального народа, не только нравами, как это было и в остальной Европе, но и самым духом своей образованности, основными началами своей умственной жизни. Отделение это остановило развитие народного просвещения и тем более ускорило образованность оторванных

от него высших классов. Так тяжелый экипаж, заложенный *гусем*, станет на месте, когда лопнут передние постромки, между тем как оторванный фореитор тем легче уносится вперед (Киреевский, 2018: 30).

Особенный смысл этому пассажи придавало ироническое пояснение автора (там же: 34):

Слава Богу, между теперешнею Россиею и старою Польшею нет ни малейшего сходства, и потому, я надеюсь, никто не упрекнет меня в неуместном сравнении и не перетолкует слов моих в иной смысл, если мы скажем, что в отношении к литературе у нас заметна такая же отвлеченная искусственность, такие же цветы без корня, сорванные с чужих полей⁶.

В этом случае Польша вспоминается прежде всего как пример пагубного развития, пример страны и общества, прошедших путем, с которым Киреевский находит аналогию в современном состоянии России и от которого, в частности, призвана уберечь славянофильская доктрина.

В отличие от Киреевского А. С. Хомяков дает хоть и довольно небольшой по объему, но в высшей степени ценный материал по осмыслению польского вопроса. 21.V.1848 г., в разгар европейской «весны народов», он писал О. А. Смирновой-Россет (Хомяков, 1900: 412):

В конце прошлого столетия Польша, разорванная, разграбленная, окровавленная своеволием своих аристократов, грозила спокойствию своих соседей и губила свой народ. Державы восточной Германии и России взяли ее под свой временный интердикт для общего мира, причем России возвращены были ее старые области, удел Рюрикова рода, населенные народом одноязычным с Россиею, а не с Польшею. В 1815 году, после долгих и кровавых смут, интердикт был возобновлен на общем совете, но одна Россия, в лице своего государя, против воли многих, показала, что она считает эту меру только временною и не хочет гибели Польской народности. В 1830-м году своевольное восстание наименее угнетенной Польши против общего приговора и общих трактатов принудило Россию восстановить силою оружия интердикт, наложенный с совета всех держав... Державы Европейские изменились: нет уже ни прежней Австрии, ни прежней Пруссии; интердикт Польши бесполезен для них. Он ни теперь ни прежде не был нужен России; ему не для чего продолжаться.

Обращаясь к собеседнице — даме, которая имела влияние при дворе и которой он некогда был глубоко впечатлен, — Хомяков размышляет о возможных действиях отечественного правительства в ответ на очередное возбуждение польского вопроса французским революционным

⁶О дальнейшей судьбе этого образа см., в частности: Тесля, 2019: 194–195, прим. 7.

правительством и угрозу европейской войны. Предлагаемый им сценарий перехвата национально-демократической повестки Петербургом, совершенно нереалистичный (и вместе с тем созвучный последующим соображениям Погодина времен Крымской войны — см.: Тесля, 2015: 738–749), определяемый самим автором как «мечты», тем не менее более чем характерен как с точки зрения преемственности последующего понимания «польского вопроса» и путей его решения славянофилами в 1860-е годы, так и с точки зрения отличий. Хомяков пишет (Хомяков, 1900: 412–413):

Пусть восстановится Польша во сколько может: Познань с Гданском (Данциг), княжество Галицкое и Краков, герцогство Варшавское и часть Литвы, не говорящая по-русски. Но так как это дело не административное и не правительственное, а народное и историческое в высшем значении слова, то в нем не должно быть признаваемо никакое случайное различие между людьми, и голоса должны быть собираемы поголовно: дворяне единицами в счет крестьянских единиц, города причислены к деревням и т. д. Даже отсутствующие могут быть все допущены к подаче голоса письменно в той области, в которой они желают быть причтены. Голоса народные должны быть подаваемы на языке народном, в Польше по-польски, в Литве по-литовски (совершенно непонятно для Поляков), в Галиче по-галицки (т. е. почти по-русски). Всякая область должна иметь право приписаться или к новой Польше, или к соседней державе, или составить отдельную общину под покровительством или без покровительства другой державы.

Но этот вариант должен быть распространен и на другие народы (там же: 413–414):

То же право должно быть распространено к Славянам Лузации и Шлезии; то же право может быть распространено благородным сеймом Венгерским на Славян, Хорватов, Руснаков и других. [...] Тут нет ни малейшей тени уступки, ибо исполняется только намерение покойного государя, и тут же смелый вызов на бой. Это было бы громовым ударом, который ошеломил бы весь мир. Вес будут сбиты с толку: ни одна собака не осмелится брехнуть на Государя, и врагам останется только молчать или хвалить, хотя бы им пришлось подавиться этой невольною хвалою.

Описывая последствия реализации этого плана, Хомяков делит их на «вероятные» и «верные», начиная с первых (там же: 414):

Вероятные последствия. При уничтожении аристократического влияния и уменьшении городского влияния в Польше, в крестьянстве оказалось бы много голосов в нашу пользу, а в Галиче большинство (по сродству языка

и особенно по духовному родству) было бы за нас, или по крайней мере за отдельное существование, и этим самым Польша была бы подорвана навсегда. В Литве тоже, или почти тоже, вследствие употребления Литовского языка. Верные последствия. Государь наш стал бы выше всей Европы. Предлог к войне устранен: Франция задохнулась бы в своем банкротстве, Германия запуталась бы в вопросах о Данциге и в своих неразрешимых задачах. Магьяры и Славяне принялись бы драться через две недели и отвлекли бы всех западных Славян. Частный вопрос о Польше потерялся бы в вопросе общем, мировом; и Русский Царь, совершенно свободный в своих действиях, был бы решителем и законодателем всего Европейского движения.

Как будет видно из дальнейшего, обращение к ресурсам демократической / популистской политики и использование крестьянства как средства свергнуть «аристократическое» (шляхетское) влияние и по мере сил минимизировать влияние городов окажется фундаментальным в ситуации 1863–1864 гг., равно как и использование против польского национального движения поддержки других народностей — в частности литовцев. Вместе с тем, по крайней мере в этом письме, написанном по поводу вестей из Парижа, Польша выступает исключительно как противник, никакой озабоченности собственно польской самостоятельностью со стороны автора не проглядывает, и на этот момент также следует обратить внимание, поскольку для целого ряда других славянофилов «польский вопрос» будет связан с действительной озабоченностью судьбами Польши, переживанием крушения ее государственности если не как несправедливости в плане всеобщей истории, то как несправедливости со стороны тех государств, которые стали участниками разделов, а самой современной истории Польши — как трагедии⁷.

7Ю. Ф. Самарин записывает на обороте «Курса славянских литератур» А. Мицкевича в 1849 г.: «Польша приняла в себя все элементы Западной Европы, чуждые ее народной субстанции, приняла их не как свои природные, а как общечеловеческие вследствие свободного выбора и сознательного усвоения. Она отдала себя в услужение Западной Европе и умерла на службе, умерла, как Польская земля. Поляки, лица, пережившие свою землю, разбрелись по Европе. [...] Это новозаветные Евреи, терпимые в Европе из сострадания, вследствие самой отрешенности своей от родной почвы и от почвы западной, свободнее оглянули весь западный мир и первые изрекли над ним суд. Очистительная сила страданий и скорби, которой не было равной в новейшей истории, ознаменовалась в них. [...] Настоящее современной Европы представляется уже чем-то прошедшим для многих из них, душою стремящихся к новой, провиденной будущности. Больше и нельзя требовать от изолированных лиц. Им может быть дано только предчувствовать новую жизнь; осуществиться же она должна в новой народной среде. Напрасно связывают они свои ожидания с надеждою на воскрешение Польши. Изрекая приговор западным

НА ПУТИ К ЯНВАРСКОМУ ВОССТАНИЮ

Реакция, последовавшая за 1848 г., и общественное оживление 2-й пол. 1850-х в одинаковой степени, хоть и разнородно способствовали переносу внимания от «польского вопроса». В последнем случае это касается даже радикально настроенных противников существующей власти: так, Герцен, выступивший в первой половине 1850-х с целой серией текстов, посвященных Польше и польскому национальному движению, впервые отозвался на польские темы в «Колоколе» лишь в 1859 г. («The Bell»..., 1957: 154 и сл.), да и то в ответ на прямой вызов-упрек с польской стороны — до такой степени оказавшись захваченным внутрироссийскими вопросами. При этом конец 1850-х оказывается временем надежд — когда перспектива будущего не только кажется способной снять противоречия настоящего момента, но и оказывается снимающей их шаг за шагом. Так, приступая в 1859 г. к изданию газеты «Парус» (закрытой на 2-м номере), И. С. Аксаков заботится в числе первых задач о печатании объявления на польском языке (Аксаков, 2004, Т. 3, 2004: 185, 188, 198), возлагая живые надежды на формирование славянской общности, если и не преодолевающей былые разногласия, то существенно снижающей их остроту.

Ситуация существенно меняется к 1861 г.: с одной стороны, начинается быстрый и неоднозначный процесс либерализации в Царстве Польском, сопровождаемый все большим накалом национальных страстей, вылившихся в Январское восстание 1863 г., с другой — общественные настроения внутри русского общества дифференцируются, публичная полемика накапливает опыт, определяются все четче линии противостояния. Начавшая выходить с октября 1861 г. аксаковская газета «День», изначально обозначающая свой специфический интерес в «областном» отделе (Цимбаев, 1978: 75–77), оказывается с первых же номеров площадкой обсуждения разнообразных сюжетов, связанных с польским вопросом. За это время и сама позиция, по крайней мере издателя, стала более твердой, чем была лишь несколько лет назад: уже в 3-м номере газеты (от 28.X.1861) он публикует яркую заметку-отповедь, восклицая, что «Киев — Русский город» (Аксаков, 1887, Т. 6, 1887: 188), в то время

началам, они изрекли его Польской земле. Но этого они не понимают, и можно ли от них требовать, чтоб они это поняли?

Высота личной мысли, глубина личных требований досталась им не на радость, а на безутешное горе. Современные Поляки — высокотрагическое явление» (Самарин, 1877: 351–352).

как лишь два года тому назад в «Парусе» он сочувственно цитировал поляка «из Польши», писавшего, по всей вероятности, из Житомира на Волини (Малютин, 2015: 59). В ответ на опубликованное во львовском «Dziennik Polski» приглашение на съезд в Гродно «братьев Поляков, Русинов, Литвинов», в котором речь шла о восстановлении Речи Посполитой в старых пределах, он пишет (цит. по: Барсуков, 1904: 117):

Киев, Вольнь, Чернигов, Смоленск... Как спешите вы проиграть ваше дело! Как торопитесь вы заглушить всякую искру сочувствия, которую могла бы зажечь в единоплеменных вам братьях ваша любовь к родине.

В передовой статье от 18.XI.1861 г. Аксаков делится тем видением возможного решения «польского вопроса», которое уже излагал, напр., в письме к брату, Г. С. Аксакову в апреле 1861 г. (Китаев, 1970: 71) и к которому еще не раз обратится уже в разгар польского восстания (Аксаков, 1900, Т. 3, 1900: 8–9):

Позволим себе мечтательное предположение. Предположим, что мы вышли бы из границ настоящей Польши и стали на наших Русских границах. Твердо охраняя последние, мы бы тогда пребыли терпеливыми и бесстрастными свидетелями ее внутренней борьбы и работы. Без сомнения, это было бы не только вполне нравственно чисто, но даже великодушно. [...]

Если бы Поляки, увлеченные политическими мечтами, перешли свои пределы и вторглись, например, к нам, то не только бы встретили несокрушимый отпор народный, но дали бы нам полное нравственное право наказать их беззаконие и уничтожить причину несправедливых кровопролитий. — Если же Поляки в состоянии переродиться, покаяться в своих исторических заблуждениях и стать Славянским мирным народом, то, конечно, *Русский народ был бы рад видеть в них добрых родственных соседей*. Впрочем, мы думаем, что во всяком случае Польша сама бы тогда, через несколько лет, стала искать — на этот раз уже добровольного и искреннего — воссоединения с Россией. Язва на нашем теле, так долго и мучительно болевшая, исцелилась бы тогда, наконец, совершенно; в нашей общественной совести более не оставалось бы недоразумения, и *нравственное начало вполне бы торжествовало*.

Неужели нельзя достигнуть этого результата путем мирным и рассудительным? Неужели Поляки, забыв правило *respice finem* (взирай на конец), захотели бы подвергнуть себя и свою страну *предварительным* тяжелым испытаниям, бедственным историческим урокам? Неужели их может вразумить только *событие*, и никакие другие доводы разума им недоступны? — Мы убеждены, что рано или поздно последует теснейшее и полнейшее, искреннее соединение Славянской Польши с Славянскою же Россией, что к тому ведет непреложный ход истории, — но не лучше ли, в виду такого неизбежного

исторического решения, предупредить все, что грозит нам бедой, враждой и раздором, и добровольно, сознательно, покаясь взаимно в исторических грехах своих, соединиться вместе братским тесным союзом против общих врагов — наших и всего Славянства?

Важно отметить, что в концептуальном плане взгляды Аксакова и Герцена⁸ на «польский вопрос», как они сформировались к началу 1860-х, весьма близки:

- ◊ во-первых, и тот и другой исходят из признания права Польши на самостоятельное историческое существование и ясно выраженную волю к этому⁹;
- ◊ во-вторых, они одинаково отвергают логику «исторических прав», отрицают требование восстановления Речи Посполитой в тех или иных исторических границах, поскольку прежняя государственная форма сменена новой, требование, основанное лишь на голом факте, отменено фактом последующим;
- ◊ тем самым, в-третьих, и Герцен, и Аксаков утверждают восстановление Польши, а отнюдь не Речи Посполитой, проводят различие между «народом» и «шляхтой» и, говоря языком того времени, ставят вопрос об «этнографической Польше».

Различие, которое на первый взгляд предстает не фундаментальным, заключается в понимании Герценом государства как политического сообщества: вопрос о судьбе Западных и Юго-Западных губерний для него и в 1859–1860 гг. отличается от вопроса о преобладающих народностях этих губерний. Сами по себе населенные преимущественно «русскими», они «естественным» образом тяготеют к остальной России, но это «тяготение» не оказывается уравненным ни с исторической неизбежностью, ни с историческим правом. Если выбор будет между свободной Россией и свободной Польшей, то им «естественно» предпочесть первую, но если

⁸Публичная позиция Герцена этих лет нашла свое выражение в цикле статей «Россия и Польша», 1859–1860 (Герцен, 1958).

⁹Так, своему товарищу по Училищу правоведения кн. Д. Оболенскому, входившему в окружение в. к. Константина Николаевича, наместника Царства Польского, Аксаков писал 22.V.1862 г.: «Безумны те, которые полагают, что можно подавить польскую народность! Против такой общественной силы бессильно государство, хотя бы опиралось на 100 тысяч штыков. Польша, настоящая Польша, должна быть вполне самостоятельной. Системы насилия не выдержит само правительство, ибо не поддерживается общественным мнением ни Европы, ни России, а полумеры не удовлетворяют Польшу» (цит. по: Цимбаев, 1978: 109–110).

выбор будет между свободной Польшей и несвободной Россией, то войти в польский политический союз им окажется более привлекательно. Для Аксакова речь в первую очередь идет о национальном сообществе, и в этом смысле русский народ бывших земель Речи Посполитой *должен* войти в одно целое с другими частями русского народа. Большее или меньшее совершенство, привлекательность или отталкивающий характер современного политического устройства данного сообщества могут способствовать или осложнять эту задачу (или, допустим, делать ее вообще невыполнимой). Но независимо от этих фактических обстоятельств нормативный идеал задается националистическим видением.

Для Герцена эти вопросы предстают в плоскости доминирования / свободы от доминирования — идеалом выступает вообще преодоление государственных форм (и смена их федеративными), то есть национальное оказывается сложно соотносено с государственным, тогда как у Аксакова можно видеть сложность соотношения национального с имперским.

Это осознание и близости, и расхождения оказывается источником не только дальнейшего спора Герцена и Самарина — теперь уже как противников (во время приезда последнего в Лондон в 1864 г.), — но и сложности суждений Аксакова о Герцене непосредственно из гущи событий. Так, если в письме к Самарину от 5.V.1863 г. Аксаков восклицает (Аксаков и Самарин, 2016: 176):

А каковы Герцен и Бакунин, особенно последний, живущий теперь в Швейцарии и подбивающий шведов на Россию. Вот они демократы, обогрязющие руки в крови русского народа —

то в передовице «Дня» от 25.IX.1863 г. замечает (Аксаков, 1900, Т. 3, 1900: 167):

Герцен, при всех своих доходящих до преступности крайностях, стоит, пожалуй, в нравственном отношении несравненно выше тех молодых людей, которых, впрочем, он же большею частью породил и воспитал. В нем есть сила, есть сердце, есть горячее участие к общественному благу, хотя и криво и ложно понимаемому. Он, по крайней мере, не космополит, и участь Русского народа ему ближе судьбы Французских швей; зато, впрочем, он уже считается человеком отсталым у нашей передовой молодежи¹⁰.

¹⁰См. подробнее: Тесля, 2013; Тесля, 2021а.

1863 ГОД

Как хорошо известно уже со времен работ Н. И. Цимбаева (Цимбаев, 1978: 111), именно Январское восстание 1863 г. вызывает в рамках славянофильского круга тяжелый кризис, который так и не будет никогда вполне преодолен. В ситуации первых месяцев 1863 г. для славянофилов ключевым становится вопрос, каким образом отнестись к начавшемуся польскому восстанию, а источником напряжения становится собственно теоретическая позиция — признание за нациями права на самостоятельное историческое существование и признание существующего положения Польши несправедливым. В данном случае не стоит недооценивать моральной стороны вопроса, поскольку национальная проблематика осмысливается участниками славянофильского круга в том числе и как требование справедливости (и морально-политическая риторика И. С. Аксакова не только не является наносной, но и воспринимается другими славянофилами со всей серьезностью).

Славянофильский круг, существенно поредевший к началу 1860-х гг., раскалывается на три позиции:

- ◇ с одной стороны — Ю. Ф. Самарин, решительно выступающий за противоборство с польским восстанием, однозначную антипольскую позицию как требование политического реализма, принятие существующего положения вещей;
- ◇ с другой — братья Елагины, выступающие за независимость Польши и не приемлющие поддержки официальной линии.

Третью позицию — промежуточную между двумя первыми¹¹ — стремится занять И. С. Аксаков. Он не принимает абсентеизма Елагиных и при этом не готов, оставаясь последовательным, принять подавление Польши. Его эволюция будет протекать на протяжении всего 1863 – первой половины 1864 гг. как в полемике вовне, так и в постоянных спорах в близком кругу. В полемике «вовне» главным оппонентом становится М. Н. Катков (см. подробнее: Твардовская, 1978), здесь основными линиями разграничения оказываются¹²:

- ◇ во-первых, утверждение, что январское восстание является не бунтом и мятежом — тем, что требует прежде всего военных средств, — а народным восстанием;

¹¹См. построенное на большом и оригинальном материале предельно лаконичное исследование позиции Аксакова по польскому вопросу: Китаев, 1970.

¹²См.: Котов, 2016; Тесля, 2011; Тесля, 2018.

- ◇ во-вторых, если Катков (в согласии с Валуевым, министром внутренних дел) видит наилучшее решение «польского вопроса» в даровании общеимперской конституции и введении общеимперского представительства (в котором «Россия потопит Польшу»), то для Аксакова желанным средством является Земский Собор и Польский всенародный сейм (Аксаков, 1900, Т. 3, 1900: 21).

Смысл этого противопоставления, на первый взгляд кажущегося туманным, заключается в принципиально разной трактовке национальной общности: общеимперское представительство предполагает внеконфессиональную общность, построенную на принципе единства закона и языка. Напротив, Земский Собор предполагает понимание национальной общности как конфессиональной (с теми или иными конкретными формами политической представленности иноконфессиональных), поскольку основанием общности выступает религиозное единство. Несколько позднее, в 1867 г., Аксаков сформулирует свою мысль парадоксально, но в парадоксе она будет выступать яснее (там же: 290):

Одно из двух: или уважать свободу веры, но тогда уважайте ее везде и оставляйте ее при самой себе, в каком бы смысле она себя ни создала. Или признавать веру предрассудком, к ослаблению которого государство обязано содействовать; но тогда не прикрывайтесь уважением к свободе совести и не ужасайтесь политического вмешательства.

- ◇ в-третьих, для Аксакова, как и для славянофилов в целом, принципиально разводятся вопросы о действиях в отношении Польши и о Западных и Юго-Западных губерниях. Как сформулирует осенью 1863 г. Самарин, вопрос польский

слагается из *трех вопросов*, по существу своему *различных*, несмотря на их тесную связь.

Поляки — как народ как особенная стихия в группе Славянских племен.

Польша — как самостоятельное государство.

Наконец, Польша, или точнее: *полонизм* — как просветительное начало, как представительство и вооруженная пропаганда Латинства в среде Славянского мира (Самарин, 1877: 325).

Понятием «полонизма» в его разграничении от «Польши» Аксаков уже активно пользуется с мая 1863 г. (Аксаков, 1900, Т. 3, 1900: 64 и сл.), понимая его прежде всего как экспансию «Польши» за ее этнографические пределы, притязания на включение в польскую общность восточных крессов. Тем самым для Аксакова и Самарина оказываются

два принципиально разных объекта действия: Польша и вопрос о примирении (возможном или невозможном), о поиске форм сосуществования — и вопрос о Западных и Юго-Западных губерниях, которые находятся под угрозой «полонизма».

Примечательна и позиция «Дня» по вопросу об украинофильстве. В ситуации 1863–1864 гг. Аксаков полемизирует с «Русским Вестником» и «Московскими Ведомостями» Каткова, рассматривающими в качестве актуального вопрос о борьбе с украинофилами (в свою очередь вводя в трактовку украинофильского движения тему «польской интриги»).

Напомним, что полемика с украинофилами, как публичная, так и скрытая от глаз публики (напр., обмен письмами с Н. М. Костомаровым), занимала существенное место на страницах «Дня» в предшествующий год с небольшим, с начала выхода газеты в октябре 1861 г. Однако в ситуации 1863–1864 гг. Аксаков решительно выступает против объединения украинофилов воедино с польскими противниками, стремления (и достаточно успешного) использовать против них государственную репрессию. Более того, именно в момент польского восстания и ближайшее последующее время Аксаков открыто отстаивает не только право, но и пользу перевода Библии на украинский язык («малоросийское наречие»), не говоря уже о праве на преподавание на том же языке (см.: Аксаков, 1900, Т. 3, 1900: 200–208).

В понимании Аксакова украинофилы выступают оппонентами, с мнениями этой группы он не только расходится, но и сохраняет в силе всю предшествующую полемику, однако отстаивает позицию, что полемика с украинофильством является предметом общественной борьбы, а не правительственной репрессии.

Представляя позиции схематично, следует сказать, что логика «катковского лагеря» предполагает выстраивание жесткой (и при этом минималистичной) национальной позиции, согласно которой к лагерю противников одновременно относятся и представители польской «белой» и «красной», и украинофилы. Напротив, аксаковская позиция предполагает своеобразную минимизацию «врага»: последним, против которого считается не только оправданным, но и желанным использование средств государственной репрессии, оказывается польское движение в Западных и Юго-Западных губерниях¹³. В противостоянии «полониз-

¹³Здесь государственное противодействие требует выхода за пределы строгого легализма: от чиновников требуется в данном случае не только лояльность, но и свобода от возможности быть заподозренными в разделении русских интересов в крае. В рамках

му» украинофилы оказываются во многом союзниками в той логике, что польское движение является врагом и для них. Эта логика отразится, в частности, в приеме на службу в Царстве Польском таких видных деятелей украинофильства, в прошлом — членов Кирилло-Методиевского общества, как П. А. Кулиш и В. М. Белозерский¹⁴.

Вопреки мнению Н. И. Цимбаева, нам представляется, что Аксаков по существу удерживает занятую им позицию вплоть до конца 1863 — начала 1864 гг. Основным аргументом в пользу этого мнения служит именно уклонение им от обсуждения вопроса о Польше (Царстве Польском): если после молчания первых месяцев 1863 г. Аксаков обстоятельно высказывается о сюжетах, связанных с «польским вопросом»¹⁵, то это становится возможным в связи с тем, что в центре обсуждения оказываются проблемы Западных и Юго-Западных губерний, но вопросы, связанные собственно с Царским Польским, остаются преимущественно областью умолчания.

Отчасти, впрочем, полемика по поводу уже Царства Польского между Аксаковым и Самариным проникает и на страницы «Дня»: так, в основополагающей статье «Современный объем Польского вопроса» (№ 38 от 21.IX.1863) Самарин возражает Аксакову с его мечтой о Польском демократическом сейме (Самарин, 1877: 344–345):

Газета *День*, не формулируя окончательного разрешения, предложила только путь к нему, а именно: опрос самой Польши, всей Польской нации в полном ее составе, с тем, чтобы вызвать собственный ее голос и от нее самой узнать ее потребности и желания. Но предварительно, газета *День* признавала необходимым усмирить мятеж и ввести новый элемент, крестьянство, в гражданскую жизнь Польши. По нашему мнению, такой всенародный опрос мог бы привести к положительным результатам только в том случае, если бы сама Польша была с собою согласна, то есть не носила бы в себе внутреннего раздвоения. Но тогда бы не было и Польского вопроса в том объеме, в каком

этого понимания «День» настаивает — в частности в полемике с Юзефовичем — на отстранении от должности в Юго-Западных мировых посредников-поляков, на очищении государственного аппарата соответствующих губерний от поляков-чиновников и т. д. (см.: Аксаков, 1900, Т. 3, 1900: 185–189; Самарин, 1877: 309–324).

¹⁴Аналогично Н. И. Костомаров будет привлечен к работе в Петербурге в качестве члена Археологической комиссии по изданию «Актов, относящихся к истории Южной и Западной России» и в ближайшие годы попутно с работой над «Актами...» создаст ярко-антипольский обширный исторический трактат «Последние годы Речи Посполитой».

¹⁵Публицистика, только непосредственно связанная с этими темами, занимает за 1863–1864 гг. в посмертном собрании его сочинений 1/2 третьего тома, то есть 1/14 всех опубликованных в собрании текстов.

он нам теперь представляется. Сосуд надломанный, сверху до низу треснувший, не издаст цельного звука; по той же причине, Польша неспособна подать от себя голоса, который бы выразил полноту ясного, действительно-народного самосознания. Сколько раз она сама себя спрашивала о том, чего она хочет, и никогда не могла самой себе дать ответа, уразуметь самое себя. Повторенная попытка привела бы только к тому, что мы получили бы ответ чисто отрицательный, то есть в сотый раз повторенное нежелание жить с Россией, и еще раз убедились бы, что никакой положительной основы для своей исторической будущности Польша не извлекла из вековых своих опытов.

Свои суждения по «польскому вопросу», разбросанные на страницах «Дня» и в переписке, И. С. Аксаков не свел воедино. Более того, проблематично, на наш взгляд, утверждать, насколько к 1864–1865 гг. они сложились в некую новую, непротиворечивую последовательность. Удачную попытку концептуально изложить славянофильскую позицию по польскому вопросу, найдя баланс между теоретическими убеждениями Аксакова и Самарина, и одновременно дать обоснование новой политики в Царстве Польском, вводимой с начала 1864 г., предпринял на страницах «Русского инвалида», официальной газеты Военного министерства, А. Ф. Гильфердинг. В статье «Положение и задача России в Царстве Польском», вышедшей в декабре 1863 г., Гильфердинг выстраивает следующую последовательность тезисов:

- (1) Положение «безусловной теоретической правды» — «при первой возможности возвратить царству Польскому его самостоятельность» (Гильфердинг, 2017: 8). Этот тезис обосновывается в том числе и прагматически — невозможностью добиться примирения с поляками, поскольку «этот малый и слабый народ заключает в себе непомерно многочисленный высший класс, с аристократическим духом, с притязаниями на звание и права людей „благородных“ и образованных, — и ему приходится повиноваться России, стоящей перед поляком не иначе, как в образе мужика и солдата» (там же: 3). Здесь в том числе формулируется проблема имперской периферии, обладающей по сравнению с имперским ядром более высокой культурой и развитой экономикой (там же: 4):

Дело в том, что немец в глазах поляка далеко не то, что москаль; это такой же *господин*, как поляк, а не плебей, господин другой породы, а не младший, недавно казавшийся бесталанным и ничтожным, брат в родной семье.

(2) При этом «безусловная теоретическая правда» оказывается противостоящей двум силам, «перед которыми всегда уступит то, что мы считаем безусловною правдою: сила политических условий и сила исторического развития» (Гильфердинг, 2017: 8).

(а) «Политические условия» определяются как та

сфера, в которой властвует *князь мира сего*; здесь нет места идеалу безусловной правды. [...] А в свою очередь, перед нами является неумолимый логический закон исторического развития, равнодушный к стонам и проклятиям живых людей, потому что ему надобно вымещать на отдаленном потомстве грехи или ошибки давно минувших поколений (там же).

(б) Россия не может оставить Царство Польское уже хотя бы по одним причинам военно-стратегического порядка, и она не может допустить образования политически-враждебного самостоятельного Польского государства, поскольку оно, будучи недостаточно сильно для самостоятельной политики, неизбежно оказалось бы включено в союз, направленный против России, а это вынудило бы Россию держать на своих западных границах постоянную военную силу, как, собственно, и есть сейчас — только сейчас, в 1863 г., она находится на территории Царства Польского.

(в) Независимая Польша неизбежно стала бы враждебна России еще и потому, что либо оказалась бы живущей надеждами на восстановление Речи Посполитой, поскольку «политическая идея», как замечает Гильфердинг, «обратилась в религию» (там же: 12–13), приближаясь в этой формулировке к позднему тезису о «политических религиях» (там же: 12–16; см.: Джентиле, Станжевский, 2021: 63–152), либо требовалось бы изгнание поляков с территории Западных и Юго-Западных губерний (Гильфердинг, 2017: 11–12).

(3) Тем самым существующее положение вещей означает прямой конфликт требований «безусловной правды» и «политических условий»: «Мы принуждены владеть царством Польским и в то же время нельзя предвидеть возможности примирить поляков с нашею властью» (там же: 18). При этом, отметим попутно, Гильфердинг решительно выступает против субстанциалистской трактовки «национального характера», замечая по поводу враждебности поляков к России и их неготовности удовлетвориться

более или менее широкими уступками, на которые шло и готово было идти далее петербургское правительство (Гильфердинг, 2017: 16, 17):

Неужели мы вправе оскорбить польскую нацию, объясняя себе этот, по видимому столь противный здравому рассудку, образ действия какой-то врожденной чертой польского характера, как подумал бы вероятно наш простой народ и как не прочь сознаться иной рассудительный поляк. [...] Но нет, я не разделяю этого мнения и думаю, что вернее признать тут не какую-нибудь врожденную черту характера, а действие той исторической силы, которая поставила все начала польской жизни в такой непримиримый антагонизм с народными стихиями России.

Исток этого положения вещей видится в антагонизме устремлений Польши и России: модернизируя язык, это прямо противостоящие друг другу национальные проекты, взаимно исключающие друг друга. Но именно несубстанциальный характер противостояния дает возможность изменения — на сей раз за счет изменения противостоящего субъекта.

- (4) Этим источником возможных перемен выступает «простой народ, не принимавший никакого участия ни в процветании, ни в падении старой Польши» (там же: 24). Однако в случае возникновения независимой Польши это «простонародье польское» попадет под «безусловное господство старых преданий и понятий, воплощенных в *обывательском* классе» (там же: 25): фундаментом современной национальной культуры станет культура высших сословий и / или немецкое влияние. Преодоление антагонизма возможно за счет России, одной способной «охранить слабое еще в своем самосознании, еще совершенно пассивное простонародье польское» (там же).
- (5) Такое видение сперва может показаться утопическим — коррективы в то, что именно подразумевает Гильфердинг, вносятся его пояснением (там же: 37–38):

Но уничтожим ли мы тем, что может быть сделано для польского крестьянства, противодействие польской шляхты, горожан, духовенства, нашему владычеству? Разрешим ли мы то, что называется польским вопросом? Нисколько. Если польским вопросом называется антагонизм против России высших слоев польской нации или польского *обывательства*, польской интеллигенции, то этот вопрос разрешен быть не может: ибо он истекает из принципов непримиримых, из требований, которые никогда не будут удовлетворены. Этот вопрос не будет разрешен; но

время его упразднит и от нас собственно зависит, чтобы это стало скоро или не скоро. Польский вопрос будет упразднен, когда, с одной стороны, польская народность утратит господство не только материальное, но и нравственное, над народностью русской и литовской в нашем западном крае, и когда, с другой стороны, устойчивая сила крестьянских общин в царстве Польском переработает своим влиянием старые идеи польского *обывательства*¹⁶.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ПОСЛЕ ВОССТАНИЯ

Для славянофилов 1-й пол. 1860-х гг. «польский вопрос» оказывается точкой, в которой сходятся едва ли не все ключевые линии славянофильской доктрины. Позволим себе перечислить основные сюжеты, которые обсуждаются в рамках «польского вопроса» и большая часть которых осталась за границами данной работы:

- ◇ прежде всего, это, разумеется, сам исходный принцип нациестроительства, вопрос о критериях национальной идентичности — вопрос о том, кого считать «русским» и чего требует от лица идентификация себя с данным национальным сообществом;
- ◇ одновременно это и вопрос о взаимодействии с другими национальными сообществами, и вопрос об устройстве Российской империи, каким мыслится если не должное, то желаемое в более или менее реалистической перспективе переустройство последней в соответствии со славянофильскими представлениями;
- ◇ соотношение религиозного и национального: вопросы о возможности «национализации» католичества и растождествления его с «полонизмом», а с другой стороны — страхи, связанные, например, с католической «пропагандой» на местных языках, то есть

¹⁶Примечательно, что уже позже, в 1867 г., в «Prolegomena» Герцен, в свою очередь, выскажет сходный взгляд на «польский вопрос» (в развитие предшествующих суждений, гораздо более сдержанных в силу его позиции 1863 г. и обязательств перед польской эмиграцией), когда будет говорить о необходимости обновления Польши и связывать это в том числе и с Россией. Понятно, что для Герцена речь будет идти о воздействии русского общественного движения и социального переворота, но сам этот переворот одновременно мыслится и как реализуемый, вольно или невольно, через государственную политику. Использование разными участниками полемики — как Гильфердингом и Герценом в данном примере — понятия «Россия» оказывается затуманивающим вопрос о том, как именно устроена субъектность / агентность в данном случае, кто именно оказывается субъектом перемен — государственная власть, общественность, — идет ли речь о социальных, экономических и культурных изменениях, происходящих от включенности в общее пространство и т. д. или обо всем этом разом с различием в акцентах.

- воспроизведение славянофильской логики русификации через православие, согласно которой принятие православия оказывается первым и решающим шагом на пути включения в национальное общество и, следовательно, православная миссия должна вестись на том языке, который наиболее доступен местным жителям;
- ◊ вместе с тем и другой аспект религиозного / конфессионального в понимании религиозного уже самого по себе как основания политического, политической общности как сообщества единоверцев¹⁷ и одновременно проблематики современных форм политической организации и действия;
 - ◊ национальное сообщество, выстраиваемое при посредстве инфраструктур: от образовательной системы до сети церковных братств и направлений железных дорог;
 - ◊ проблематика общественной самоорганизации и, с другой стороны, проблематичность бюрократической лояльности, ставящая de facto вопрос о других формах / лояльности другому (нации, вере и т. д.) со стороны чиновников, тем самым требующая от них политического участия и, следовательно, ставящая под вопрос их статус «чиновников» (в данном случае понимаемый синонимично «бюрократу», в рамках, в частности, и параллельного процесса становления провинциальной бюрократии).

1864 г. и осуществление масштабных реформ в Царстве Польском приведет к новому кризису в славянофильском кругу: теперь и по вопросам одобрения проводимой политики и возможности собственного участия в ее проведении (см.: Аксаков и Самарин, 2016: 187–194; Цимбаев, 1978: 111–113; Дудзинская, 1994: 54–71). Однако политика, заявленная манифестом 19 февраля 1864 г., оказалась на практике решающей по крайней мере ту задачу, которую в качестве непосредственной, первоочередной формулировал Самарин: «сделать их [т. е. поляков — А. Т.] для России безвредными» (Самарин, 1877: 346¹⁸), — а противоречия в понимании исторической судьбы и места Польши в истории Европы и славянства перешли в разряд сугубо теоретических размышлений.

¹⁷Здесь можно вспомнить, напр., и ранний германский национализм: для «Тугендбунда» членами германской общности не могли быть те же иудеи, равно как проблематичным оставался вопрос о непротестантских членах сообщества (см., напр.: Берне, Ромм и Венберг, 1938).

¹⁸О деятельности Самарина в целом и его роли в подготовке реформы в Царстве Польском см.: Нольде, 2003.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксаков И. С.* Сочинения И. С. Аксакова 1860–1886. В 7 т. Т. 6. Прибалтийский вопрос. Внутренние дела России. Статьи из «Дня», «Москвы» и «Руси». Введение к «Украинским ярмаркам». 1860–1886. — СПб. : Типография Л. Г. Волчанинова, 1887.
- Аксаков И. С.* Сочинения И. С. Аксакова. В 7 т. Т. 3. Польский вопрос и западно-русское дело. Еврейский вопрос. 1860–1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». — СПб. : типография А. С. Суворина, 1900.
- Аксаков И. С.* Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Эпистолярный дневник 1838–1886 гг. с предисловием, комментариями и воспоминаниями А. Ф. Аксаковой. В 3 т. Т. 3. Письма 1857–1886 гг. / под ред. Т. Ф. Прокопова. — М. : Русская книга, 2004.
- Аксаков И., Самарин Ю. Ф.* Переписка И. С. Аксакова и Ю. Ф. Самарина (1848–1876) / под ред. Т. Ф. Пирожковой, О. Л. Фетисенко, В. Ю. Шведовой. — СПб. : Пушкинский дом, 2016.
- Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина : в 22 т. Т. 18. — СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1904.
- Берне К. Л.* Парижские письма. Менцль-французоед / пер. с фр. А. Ромма, П. Венберга. — М. : Художественная литература, 1938.
- Герцен А. И.* Собрание сочинений. В 30 т. Т. 14. — М. : Издательство АН СССР, 1958.
- Гильфердинг А.* Положение и задача России в Царстве Польском. — СПб. : [Отдельный оттиск из №№ 254 и 255 «Русского инвалида»], 2017.
- «День» И. С. Аксакова : история славянофильской газеты. Исследования. Материалы. Постатейная роспись / под ред. Н. Н. Вихровой, А. П. Дмитриева, Б. Ф. Егорова. — СПб. : Росток, 2017.
- Джентиле Э.* Политические религии : между демократией и тоталитаризмом / пер. с итал. Ф. Станжевского. — СПб. : Владимир Даль, 2021.
- Долбилов М. Д.* Русский край, чужая вера : этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. — М. : Новое литературное обозрение, 2010.
- Дудзинская Е. А.* Славянофилы в пореформенной России. — М. : Институт российской истории РАН, 1994.
- Зайончковский П. А.* Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. — М. : Изд-во социально-экономической литературы, 1958.
- Киреевский И. В.* Полное собрание сочинений. В 3 т. Т. 2. 1840–1849 / под ред. А. Н. Николокина. — СПб. : Росток, 2018.
- Китаев В. А.* Польский вопрос в публицистике И. С. Аксакова (первая половина 60-х годов XIX в.) // Вопросы экономической и социально-политической истории России в XVIII–XIX вв. — 1970. — Т. 1. — С. 70–80.

- Колокол. Издание А. И. Герцена и Н. П. Огарева. 1857–1867. Систематизированная роспись статей и заметок / под ред. Б. П. Козьмина. — М. : Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1957.
- Котов А. Э. «Царский путь» Михаила Каткова : идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов / под ред. С. К. Лебедева. — СПб. : Владимир Даль, 2016.
- Малютин Г. А. «Польский вопрос» в русской общественно-политической мысли в 1830-е – начале 1860-х гг. — СПб. : Нестор-История, 2015.
- Манфред А. З. Образование русско-французского союза. — М. : Наука, 1975.
- Миллер А. И. Украинский вопрос в Российской империи. — Киев : Laugus, 2013.
- Нольде Б. Э. Юрий Самарин и его время / под ред. С. М. Сергеева. — М. : Эксмо, 2003.
- Самарин Ю. Ф. Сочинения. В 12 т. Т. 1. Статьи разнородного содержания и по польскому вопросу / под ред. Д. Самарина. — М. : Тип. А. И. Мамонтова, 1877.
- Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия : М. Н. Катков и его издания. — М. : Наука, 1978.
- Тесля А. А. «Польский вопрос» в передовицах М. Н. Каткова в «Московских Ведомостях» в 1863 г. // Ученые заметки ТОГУ. — 2011. — Т. 2, № 2. — С. 86–97.
- Тесля А. А. Герцен и славянофилы // Социологическое обозрение. — 2013. — Т. 12, № 1. — С. 62–85.
- Тесля А. А. «Последний из „отцов“»: биография Ивана Аксакова. — СПб. : Владимир Даль, 2015.
- Тесля А. А. Иван Аксаков vs Михаил Катков : 1-я половина 1860-х годов // Тетради по консерватизму. — 2018. — № 3. — С. 376–384.
- Тесля А. А. К характеристике политической теории славянофилов : о воззрениях И. В. Киреевского // Вестник Свято-Филаретовского института. — 2019. — № 31. — С. 189–203.
- Тесля А. А. 1867 : Герцен как «непоследовательный славянофил» // Вопросы национализма. — 2021а. — Т. 1, № 33. — С. 162–175.
- Тесля А. А. Поляки, иезуиты, евреи и «миф о заговоре» : эволюция «опасного другого» в славянофильстве // Новое литературное обозрение. — 2021б. — № 162.
- Хомяков А. С. Полное собрание сочинений. В 8 т. Т. 8. Письма. — М. : Университетская типография, 1900.
- Хомяков А. С. Стихотворения и драмы / под ред. Б. Ф. Егорова. — Л. : Советский писатель, 1969.
- Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. — М. : Изд-во Моск. ун-та., 1978.
- Klier J. D. Imperial Russia's Jewish Question, 1855–1881. — Cambridge : Cambridge University Press, 1995.

Teslya, A. A. 2021. "Slavyanofily i 'pol'skiy vopros' v 1840 – 1-y pol. 1860-kh godov [The Slavophiles and the 'Polish Question': 1840s – First Half of the 1860s]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 5 (3), 191–216.

ANDREY TESLYA

PHD IN PHILOSOPHY, SENIOR RESEARCH FELLOW

INSTITUTE OF HISTORY ST. PETERSBURG UNIVERSITY (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

SENIOR RESEARCH FELLOW, SCIENTIFIC DIRECTOR RESEARCH CENTER FOR RUSSIAN THOUGHT

INSTITUTE FOR HUMANITIES, IMMANUEL KANT BALTIC FEDERAL UNIVERSITY (KALININGRAD, RUSSIA);

ORCID: 0000-0003-2437-5002

THE SLAVOPHILES AND THE "POLISH QUESTION": 1840S – FIRST HALF OF THE 1860S

Submitted: July 31, 2021. Reviewed: Aug. 10, 2021. Accepted: Aug. 13, 2021.

Abstract: For the whole variety of Russian nationalisms of the 19th century, as for the Slavophil circle, the "Polish question" is of great importance in theoretical terms. Russian nationalisms to one degree or another are formed as competing with the Polish national movement and are forced in some way to demarcate the "imaginary Russian" from the "Polish". At the same time, the "Polish question" turns out to be a question of the political structure—domestic and foreign policy, possible/desirable imperial design and foreign policy course. The "Polish question" turns out to be closely intertwined with the "Slavic question". This is not an indispensable feature of any Russian nationalism, but is directly related to Slavophilism, especially since the second half of the 1850s, when the issues of "Slavic community" and interaction with Slavic peoples, attitudes towards other Slavic national movements come to the fore. The article briefly shows that in spite of the possibility theoretically to assume the invariably great significance of the "Polish question" for the Slavophiles, in practice it occupies by no means an invariable place. Being in the focus of attention in the 1860s—primarily due to the rise of the Polish national movement, then the January Uprising of 1863 and subsequent government measures both in relation to the Kingdom of Poland and the Western provinces (Northwestern and Southwestern)—it becomes not only the subject of public polemics, but also encourages, and partly forces the participants of the Slavophil circle to formulate their positions on the fundamental questions of doctrine—thereby causing delimitation already within the Slavophil circle itself, and at the same time defining the journalistic core of Slavophilism, how it will be presented and, accordingly, perceived by the public in the 2nd half of the 1860s–1880s.

Keywords: A. I. Herzen, Western Provinces, I. S. Aksakov, M. N. Katkov, Nationalism, Slavophilism, the Kingdom of Poland, the Era of "Great Reforms".

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-3-191-216.

REFERENCES

Aksakov, I. S. 1887. *Pribaltiyskiy vopros. Vnutrenniye dela Rossii. Stat'i iz "Dnya", "Moskovy" i "Rusi". Vvedeniye k "Ukrainskim yarmarkam". 1860–1886 [The Baltic Question. Internal Affairs of Russia. Articles from "The Day", "Moscow" and "Rus' ". Introduction to "Ukrainian Fairs". 1860–1886]* [in Russian]. Vol. 6 of *Sochineniya I. S. Aksakova 1860–1886 [Writings of I. S. Aksakov 1860–1886]*. 7 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya L. G. Volchaninova.

- . 1900. *Pol'skiy vopros i zapadno-russkoye delo. Yevreyskiy vopros. 1860–1886. Stat'i iz "Dnya", "Moskvu", "Moskvicha" i "Rusi"* [The Polish Question and the Western-Russian Affair. The Jewish Question. 1860–1886. Articles from "The Day", "Moscow", "Moskvich" and "Rus'"] [in Russian]. Vol. 3 of *Sochineniya I. S. Aksakova* [Writings of I. S. Aksakov]. 7 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: tipografiya A. S. Suvorina.
- . 2004. *Pis'ma 1857–1886 gg. [Letters of 1857–1886]* [in Russian]. Vol. 3 of *Ivan Sergeevich Aksakov v yego pis'makh. Epistolyarnyy dnevnik 1838–1886 gg. s preislouviyem, kommentariyami i vospominaniyami A. F. Aksakovoy* [Ivan Sergeevich Aksakov in His Letters. Epistolary Diary of 1838–1886 with a Preface, Comments and Memoirs by A. F. Aksakova], ed. by T. F. Prokopov. 3 vols. Moskva [Moscow]: Russkaya kniga.
- Aksakov, I.S., and Yu. F. Samarin. 2016. *Perepiska I. S. Aksakova i Yu. F. Samarina (1848–1876)* [Correspondence of I. S. Aksakov and Yu. F. Samarin (1848–1876)] [in Russian]. Ed. by T. F. Pirozhkova, O. L. Fetisenko, and V. Yu. Shvedova. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Pushkinskiy dom.
- Barsukov, N. P. 1904. *Zhizn' i trudy M. P. Pogodina* [Life and Work of M. P. Pogodin] [in Russian]. Vol. 18. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya M. M. Stasyulevicha.
- Börne, K. L. 1938. *Parizhskiy pis'ma. Mentsl'-frantsuzoyed* [Paris Letters. Menzel der Franzosenfresser] [in Russian]. Trans. from the French by A. Romm and P. Venberg. Moskva [Moscow]: Khudozhestvennaya literatura.
- Dolbilov, M. D. 2010. *Russkiy kray, chuzhaya vera* [The Russian Land, a Foreign Faith]: *etnokonfessional'naya politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II* [The Ethno-Confessional Policy of the Empire in Lithuania and Belarus under Alexander II] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Novoye literaturnoye obozreniye.
- Dudzinskaya, Ye. A. 1994. *Slavyanofily v poreformennoy Rossii* [Slavophiles in Post-Reform Russia] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Institut rossiyskoy istorii RAN.
- Gentile, E. 2021. *Politicheskiye religii* [Political Religions]: *mezhdru demokratiyey i totalitarizmom* [Between Democracy and Totalitarianism] [in Russian]. Trans. from the Italian by F. Stanzhevskiy. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vladimir Dal'.
- Gil'ferding, A. F. 2017. *Polozheniye i zadacha Rossii v Tsarstve Pol'skom* [The Position and Task of Russia in the Kingdom of Poland] [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: [Otdel'nyy ottisk iz №№ 254 i 255 "Russkogo invalida"].
- Herzen, A. I. 1958. [in Russian]. Vol. 14 of *Sobraniye sochineniy* [Collected Works]. 30 vols. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Khomyakov, A. S. 1900. *Pis'ma* [Letters] [in Russian]. Vol. 8 of *Polnoye sobraniye sochineniy* [The Complete Collection of Works]. 8 vols. Moskva [Moscow]: Universitet'skaya tipografiya.
- . 1969. *Stikhotvoreniya i dramy* [Poems and Dramas] [in Russian]. Ed. by B. F. Yegorov. Leningrad: Sovet'skiy pisatel'.
- Kireyevskiy, I. V. 2018. *1840–1849* [1840–1849] [in Russian]. Vol. 2 of *Polnoye sobraniye sochineniy* [The Complete Collection of Works], ed. by A. N. Nikol'yukin. 3 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Rostok.
- Kitayev, V. A. 1970. "Pol'skiy vopros v publitsistike I. S. Aksakova (pervaya polovina 60-kh godov XIX v.)" [The Polish Question in the Journalism of I. S. Aksakov (the First Half of the 60s of the XIX Century)] [in Russian]. *Voprosy ekonomicheskoy i sotsial'no-politicheskoy istorii Rossii v XVIII–XIX vv. [Questions of the Economic and Socio-Political History of Russia in the XVIII–XIX Centuries]* 1:70–80.

- Klier, J. D. 1995. *Imperial Russia's Jewish Question, 1855–1881*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kotov, A. E. 2016. “*Tsarskiy put’*” *Mikhaila Katkova [Mikhail Katkov's “Tsar's Way”]: ideologiya byurokraticeskogo natsionalizma v politicheskoy publitsistike 1860–1890-kh godov [The Ideology of Bureaucratic Nationalism in Political Journalism of the 1860s and 1890s]* [in Russian]. Ed. by S. K. Lebedev. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vladimir Dal’.
- Koz'min, B. P., ed. 1957. *Kolokol. Izdaniye A. I. Gertsena i N. P. Ogareva. 1857–1867. Sistemativirovannaya rospis' statey i zametok [“The Bell”. Edition by A. I. Herzen and N. P. Ogarev. 1857–1867. Systematic List of Articles and Notes]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Izd-vo Vsesoyuznoy knizhnoy palaty.
- Malyutin, G. A. 2015. “*Pol'skiy vopros*” *v russkoy obshchestvenno-politicheskoy mysl' v 1890-ye – nachale 1860-kh gg. [The “Polish Question” in Russian Socio-Political Thought in the 1890s – Early 1860s]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nestor-Istoriya.
- Manfred, A. Z. 1975. *Obrazovaniye russko-frantsuzskogo soyuza [Formation of the Russian-French Union]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Miller, A. I. 2013. *Ukrainskiy vopros v Rossiyskoy imperii [The Ukrainian Question in the Russian Empire]* [in Russian]. Kiyev [Kiev]: Laurus.
- Nol'de, B. E. 2003. *Yuriy Samarin i yego vremya [Yuri Samarin and His Time]* [in Russian]. Ed. by S. M. Sergeev. Moskva [Moscow]: Eksmo.
- Samarin, Yu. F. 1877. *Stat'i raznorodnogo sodержaniya i po pol'skomu voprosu [Articles of Diverse Content and on the Polish Question]* [in Russian]. Vol. 1 of *Sochineniya [Works]*, ed. by D. Samarin. 12 vols. Moskva [Moscow]: Tip. A. I. Mamontova.
- Teslya, A. A. 2011. “*Pol'skiy vopros*” *vperedovitsakh M. N. Katkova v ‘Moskovskikh Vedomostyakh’ v 1863 g. [“The Polish Question” in the Editorials of M. N. Katkov in the ‘Moscow Vedomosti’ in 1863]* [in Russian]. *Uchenyye zametki TOGU [Scientific Notes of the TOGU]* 2 (2): 86–97.
- . 2013. “Gertsen i slavyanofily [Herzen and the Slavophiles]” [in Russian]. *Sotsiologicheskoye obozreniye [The Sociological Review]* 12 (1): 62–85.
- . 2015. “*Posledniy iz ‘otsov’*”: *biografiya Ivana Aksakova [The Last of the “Fathers”]: Ivan Aksakov's Biography]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vladimir Dal’.
- . 2018. “Ivan Aksakov vs Mikhail Katkov [Ivan Aksakov vs Mikhail Katkov]: 1-ya polovina 1860-kh godov [The First Half of the 1860s]” [in Russian]. *Tetradi po konservatizmu [Notebooks on Conservatism]*, no. 3: 376–384.
- . 2019. “K kharakteristike politicheskoy teorii slavyanofilov [On the Characterization of the Political Theory of the Slavophiles]: o vozzreniyakh I. V. Kireyevskogo [On the Views of I. V. Kireevsky]” [in Russian]. *Vestnik Svyato-Filaretovskogo instituta [Bulletin of the St. Philaret Institute]*, no. 31: 189–203.
- . 2021a. “1867 [1867]: Gertsen kak ‘neposledovatel'nyy slavyanofil’ [Herzen as an ‘Inconsistent Slavophile’]” [in Russian]. *Voprosy natsionalizma [Questions of Nationalism]* 1 (33): 162–175.
- . 2021b. “Polyaki, iyezuity, yevrei i ‘mif o zagovore’ [Poles, Jesuits, Jews and the ‘Conspiracy Myth’]: evolyutsiya ‘opasnogo drugogo’ v slavyanofil'stve [The Evolution of the ‘Dangerous Other’ in Slavophilism]” [in Russian]. *Novoye literaturnoye obozreniye [New Literary Review]*, no. 162.

- Tsimbayev, N. I. 1978. *I. S. Aksakov v obshchestvennoy zhizni poreformennoy Rossii* [*I. S. Aksakov in the Public Life of Post-Reform Russia*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Izd-vo Mosk. un-ta.
- Tvardovskaya, V. A. 1978. *Ideologiya poreformennogo samoderzhaviya* [*The Ideology of the Post-Reform Autocracy*]: *M. N. Katkov i yego izdaniya* [*M. N. Katkov and His Publications*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Vikhrova, N. N., A. P. Dmitriyev, and B. F. Yegorov, eds. 2017. “Den’” *I. S. Aksakova* [“Day” by *I. S. Aksakov*]: *istoriya slavyanofil’skoy gazety. Issledovaniya. Materialy. Postateynaya rospis’* [*The History of the Slavophile Newspaper. Research. Materials. Article-by-Article List*] [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Rostok.
- Zayonchkovskiy, P. A. 1958. *Provedeniye v zhizn’ krest’yanskoy reformy 1861 g.* [*Implementation of the Peasant Reform of 1861*] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Izd-vo sotsial’no-ekonomicheskoy literatury.